

ОБЩЕИРАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СЛОВАРНОМ ФОНДЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Э.Т. Гутиева

*Значение осетинского языка для языкознания определяется сложностью его исторической судьбы. Его архаический характер и ранняя дивергенция от остальных иранских языков вызывает к нему интерес со стороны иранистов, а конвергентные процессы с другими индоевропейскими языками привлекают исследовательское внимание русских и европейских ученых. Прото-осетинский язык можно рассматривать как транслятор иранского влияния в европейский ареал в период Великого переселения народов (в IV-VII вв.), т.к. из всех племен, теснивших порядок Римской империи, ираноязычными среди основных действующих лиц были именно европейские иранцы – сарматы и аланы, предки современных осетин. Общеиранская лексика была предметом рассмотрения многих исследователей, но всё же имеется целый ряд вопросов, которые нуждаются в уточнении, развитии, целый ряд этимологий осетинских слов нуждается в обосновании или в ревизии. Некоторые лексемы, которые традиционно относились к кавказскому слою лексики, должны быть проанализированы более подробно. В работе внимание уделяется степени сохранности иранского лексического фонда в осетинском языке. Рассматриваются разные сценарии процессов развития общеиранской лексики, которые снабжены языковыми примерами. Возможности выдвижения альтернативных уже существующим этимологиям иллюстрируются на примере рефлексов общеиранского корня *hwar- (*xwar-) 'есть'. Некоторые лексемы могли быть сохранены обоими языками, но претерпели семантические и фонетические изменения, не позволяющие их опознать, они могли окаменеть в сложных словах, во фразеологических оборотах. Кроме того, общие корни могли быть утрачены, и восстанавливаются только по родственным словам в других иранских языках.*

Ключевые слова: языкознание, иранистика, семантика, генерализация, сужение значения, когнаты, этимология.

Значение осетинского языка для языкознания определяется сложностью его исторической судьбы. Его ранняя дивергенция от остальных иранских языков и архаический характер вызывают к нему интерес со стороны иранистов, а конвергентные процессы с другими индоевропейскими языками привлекают исследовательское внимание русских и европейских ученых.

Прото-осетинский язык можно рассматривать как транслятор иранского влияния в европейский ареал в эпоху Великого переселения народов IV-VII вв. Из всех племен, теснивших миропоря-

док Римской империи в позднюю античность, ираноязычными среди основных действующих лиц были именно предки современных осетин – сарматы и аланы, которые, отторгнувшись от непосредственного соседства с другими иранскими народами, перешли из Азии в Европу. Только незначительная часть этих «европейских иранцев» сохранилась под названием осетин в горах Кавказа.

Последующее вытеснение аланов за пределы зоны исторической активности и нейтрализация их политического влияния привели к состоянию этно-языкового анабиоза. Малочисленность коло-

нии пусть и недавно могущественного и грозного народа могла грозить бесследным исчезновением в результате ассимиляции в инокультурном пространстве. Этнический гомеостаз, стремление народа к сохранению находили отражение в процессах кумуляции и консервации лексики, в замедлении естественной архаизации. Осетинский является одним из тех индоевропейских языков, которые ввиду специфических условий исторического развития сохранил свои наиболее древние особенности и является одним из наиболее архаичных из современных иранских языков.

«Различные исторические наслоения и результат различных эпох истории языка» в осетинском можно выделить при анализе происхождения лексики. Хронологически последовательно выделяются индоевропейский и иранский слои как наиболее древние пласты, затем более поздний кавказский (заимствования из неиндоевропейских языков) и в последнее время – обширный корпус заимствований из русского языка.

Общеиранская лексика была предметом рассмотрения многих исследователей [1] – [12], однако отдельные вопросы нуждаются в уточнении, развитии, некоторые этимологии требуют обоснований или ревизии.

Следует различать характер и природу сходства между осетинскими и персидскими лексемами.

Наиболее очевидной представляется группа персидских лексем, вошедших во многие языки, и заимствованная в том числе в осетинский язык. К таким интернационализмам следует относить широкоизвестные: *bāzār* от перс. بازار, *shāh* شاه, *pādtsāh* پادشاه. Общекавказскими можно считать ряд заимствований, имевших место в результате достаточно недавних языковых контактов, например, термины материальной культуры, названия денежных единиц. В осетинском фиксируются

šuari ‘шахская монета’, *tuman*, *abazi* [2, I-24], усвоенные и во многие кавказские языки. Так же как, например, осетинское *muxyr/muhur* ‘печать, перстень с печатью’, в чеченском, ингушском, адыгском, балкарском, аварском языках также есть семантически эквивалентные рефлексy данного корня с минимальными фонетическими трансформациями при ассимиляции заимствований. Наряду с другими в осетинском, как в дагестанских и вообще в кавказских языках, представлен корень **bil-* ‘лопата’: *bel*. Определенные лексемы можно считать усвоенными непосредственно из персидского, как *azar* в осетинском «террор, ужас, страх, напасть, беда» от آزار ‘мучение, страдание; притеснение; психическое заболевание; обида; огорчение’.

Примером сепаратной изоглоссы можно считать осетинское слово *begara* ‘гужевая повинность’ и персидское بیگار ‘наемный труд’.

Группа заимствованных слов ставит много важных вопросов о характере, контексте, масштабах, векторах заимствований, о языках-посредниках, о процессах ассимиляции в принимающем языке.

Отдельно от заимствований следует рассматривать слова, восходящие к одним протокорням и развивавшиеся независимо в обоих языках. В результате параллельного развития таких единиц общеиранского лексического фонда возможно выделение нескольких категорий. Общеиранские корни могли быть сохранены в фарси и в осетинском, как и в остальных родственных языках; сюда относятся целые морфологические разряды – личные местоимения, числительные, и слова основного словарного фонда.

Носители фарси могут легко опознать осетинские:

- термины родства (*zænæg* – потомство, *tyggag* – семья, фамилия);
- соматизмы (*šær* – голова, *igær* – печень, *kom* – небо, пасть);

– названия зверей (*arš* – медведь, *ruvaš* – лиса) и домашних животных (*fyš* – овца, *wænyg* – бычок);

– названия холодного оружия (*kard* – нож, сабля, меч);

– термины верховой езды (*widaʒ* – поводырь, *sarg* – седло, *ægdæncoj* – стремя);

– прилагательные размера, цвета (*styr* – большой, *syrrh* – красный);

– названия явлений и объектов природы (*hur* – солнце, *wad* – буря) и многие другие.

Внимания заслуживают осетинские и персидские лексемы, претерпевшие фонетические изменения, которые, однако, не затрудняют их возведение к общеиранским корням. Большая часть таких изменений обусловлена закономерными и регулярными фонетическими соответствиями.

Фонетический облик осетинской лексемы оказывается главным аргументом при ретроспекции этапов ее истории, естественно, что сама степень сходства между ней и сопоставляемыми корнями не может быть решающим фактором определения их генетического родства. Так, названия времен года в осетинском интерпретируются из иранских языков, однако название самого теплого времени – лета – имеет форму *særd*, практически абсолютным фонетическим эквивалентом осетинского слова является персидское *سرد*, *šard*, которое имеет значение ‘холодный’. Однако данная пара слов не может служить иллюстрацией антонимического семантического развития, а «законным» когнатом персидской лексемы *šard* является прилагательное *sald* ‘мёрзлый’.

Слово *sara* ‘сарай’ в осетинском В. И. Абаев определяет как заимствование через русское посредство персидского слова *sarāi* ‘дом’, ‘дворец’ [2, II-34]. Вероятно, данный вывод сделан не столько на основании большего семантического сходства русского и осетинского рефлекс-

сов между собой, сколько на отсутствии чередования согласных *r* и *l*, согласно которому соответствующей иранскому слову могла бы считаться осетинская форма **sala*. (Следует подчеркнуть, что, и в осетинском языке случаи нарушения непреложности фонетического закона должны рассматриваться в совокупности со всеми факторами и индивидуально.)

Наряду с закономерными и регулярными переходами сонорных согласных *r* и *l* (چرخا, چرخ и *tsalx* ‘колесо’), шумных согласных *p* и *f* (*pa* и *fad* ‘нога’), различия в фонетической форме могут быть результатами:

– метатезы (*art* – *athar*, *ærdyn* – *drun*);

– вокализации инициального согласного (باد ‘ветер’ и осетинское *wad* ‘буря’);

– разного качества корневых согласных (خوہ и *xox* ‘гора’, *charm* и *tsarm* ‘кожа’).

Пример осетинского *šurx* ‘красный’ и персидского *سرخ* *surkh*, от среднеперсидского *سخر* *sukhr*, родственного авестийскому *suxra-* ‘яркий’ и санскритскому *sukra*, интересен тем, что в данном случае сходство выше между современной персидской и осетинской формами, тогда как в целом ряде других примеров осетинский обнаруживает большую степень сходства со среднеперсидскими или древнеперсидскими формами. Например, осетинскому *æxsæv* ‘ночь’ ближе по форме староперсидское *xšap-*, а осетинское *fyrt* ближе к среднеперсидскому *pur*, авест. *pūθra-*, чем к современной форме. По мнению Абаева, «благодаря архаизму форм осетинского языка и необычайной сохранности в нем старого иранского наследия в ряде случаев более показательными оказываются параллели осетинского языка с древнеиранскими (авестийским и древнеперсидским – примерно VI-IV вв. до н.э.), а также с древнеиндийским (санскритом), чем с любым из живых иранских языков» [3, 14].

Из соответствий гласных звуков наиболее последовательно прослеживается

то, что в исконно иранских словах *-a-* перед носовыми в осетинском переходит в *-o-*: *ronq*, *тонг*, *пот*, *хор* и т.д.

Семантическая дистанция между родственными словами в двух языках может быть различной. Значения таких когнатов может отличать большая степень тождества: *bun* – низ, основание, дно, *بز* и *buz* – козел, *سر* и *šær* – голова, вожак, предводитель, или как в случае абстрактных существительных *bar* в осетинском означает ‘право’, а в персидском – ‘возможность, доступ’. При сравнении тождественных лексем может отмечаться очевидный семантический сдвиг, который можно проиллюстрировать на примере другого хроматического прилагательно-го: *بر* ‘бурый, красновато-коричневый’ и *bur* ‘желтый’. В большинстве случаев лексемы остаются в том же семантическом разряде, что и протокорень, например, в группе названий крупного домашнего скота: *شتر* верблюд и *stur-* бык, домашний скот; или в терминах тыквенных культур: *خربزه* ‘дыня’ и *xarbyz* ‘арбуз’.

При сопоставлении *abr-* ‘облако’ и *arv-* ‘небо’ следует учитывать, что сдвиг «небо» > «облако» может подтверждаться параллелями в других языках, кроме того, в данной паре слов наряду с семантическим сдвигом имеет место метатеза.

Родственные слова претерпевали различные семантические изменения: так, результатом расширения значения является осетинское *marq* ‘птица’ и родственное ему персидское слово со значением ‘курица’. Сужение объема значения можно проиллюстрировать на примере персидского *bu* ‘запах, аромат’ и осетинского *bud* ‘благовоние, ладан’.

Осетинское слово *buar* означает ‘тело’ восходит к протокорню с исходным значением ‘покров, оболочка’, ‘вид’ [2, I-275], тогда как в персидском однокоренной ему соматизм *bar* употребляется в значении ‘грудь или кожные покровы’. Абаев считает, что развитие значения «оболоч-

ка» – «тело» находится в пределах допустимого, в особенности если учесть значение «грудь» в других иранских языках [2, I-275]. Интересно, что в устоявшихся словосочетаниях осетинское *buar* также имеет значение ‘кожные покровы’, что может свидетельствовать, что данная сема может имплицироваться в значении осетинского слова *buar*.

Сопоставление этимологических историй определенных слов приводит к выводу о необходимости выделения наиболее крупных деривационных гнезд и уточнения их состава. Так, целый ряд слов осетинского языка, имеющих в своем семантическом объеме сему «провизия, корм» считаются рефлексамии общеиранского корня **hwar-* (**xwar-*) ‘есть’.

Основным глаголом со значением ‘принимать пищу, употреблять в пищу’ является глагол *xæryu*. В его словообразовательном гнезде производными первой ступени деривации следует считать лексемы: *xærinag/xwærujnag* ‘пища, кушанье, еда’, *xærd/xwærdæ* ‘еда, питание; трапеза’, так же в данном словообразовательном гнезде *xojrag* с *i*-эпентезой – ‘еда, пища, кушанье, провизия’, *xor* ‘хлеб, зерно’. Интересно, что лексема харчи, приводимая ниже при лексикализации осетинской лексемы, этимологизируется из турецкого, арабского *xardž* со значением ‘доход, хозяйственные расходы’, откуда и осетинское *xarz/xarz* ‘расход, трата, подать’. При таком подходе осетинское хардз является когнатом русских харч, харчи. Однако в отличие от осетинского слова *xarz/xarz*, не подвергнувшегося фонетическому изменению, а также сохранившего исходную семантику при заимствовании и усвоении, в русском языке при ассимиляции **xardž-* должен был иметь место семантический сдвиг «расходы» – «расходы на еду» – «еда». На наш взгляд, не исключено рассматривать иранское происхождение русского харч-, который мог быть закономерным развитием данного широко

распространенного общеиранского корня **hwar-* (**xwar-*). При таком допущении харч- следует признать когнатом других осетинских слов, например, *xærd*, и, соответственно, считать их рефлексами другого этимона.

Рефлексами этой же производящей основы **hwar-* (**xwar-*) следует считать осетинские слова с древним чередованием согласных *r/l*: *xollag/xwallag* – ‘корм, сено, трава’, *xæltz* ‘съестные припасы, продовольствие’, ‘пропитание’, ‘еда’, ‘харчи’, *xoly/xwali* ‘корм, падаль’. Относительно слова *xoly* этимология Г. Бейли поддержана В. И. Абаевым, Фр. Тордарсоном, но вызывает вопрос фонетического порядка у Дж. Чёнга [13, 352]. Группу слов *xoly*, *xæltz*, *xollag* отличает не только явление ламбдаизма, но и семантическая гипонимность и, как следствие, меньшая употребительность по сравнению с формами с *-p-* в исходе корня.

Расширить круг рефлексов корня **hwar-* (**xwar-*) можно, пересмотрев некоторые этимологии. В контексте слов со значением «еда» можно рассматривать осетинское *qajla/qajla*, *qalia* ‘яичница’. Абаев сопоставляет его с персидским *qalia* со значением ‘жареная пища’, ‘мясо с приправами’, турецким *kalya* ‘кушанье из вареных овощей’, таджикским *qaila*, узбекским *qaila* ‘соус’, грузинским (диал.) *qaila* ‘яичница’. Сюда же русское *калья* ‘род борща, похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, со свеклой и с мясом, а в пост с рыбой и икрой’ [2, II-255]. Судя по амплитуде значений приведенных турецкого, персидского, таджикского, узбекского и русского рефлексов, препятствия для отнесения их в деривационное гнездо **hwar-* (**xwar-*) не могут быть семантического порядка, т.к. сема «еда», «блюдо» является архисемой для них всех. Возможно, основной преградой является абруптивный характер инициального согласного [xʁ], который, как принято считать, не имеет соответствия в иранских

языках и достаточно регулярно встречается в тюркских и кавказских заимствованиях.

Анализ словарных статей и сопоставление этимологических историй слов с подобным инициальным согласным подтверждает, что за большей их частью признается арабское или тюркское происхождение. В отдельных случаях декларируется тюркское посредство при их заимствовании в осетинский язык. Однако, например, не бесспорной представляется этимология слова *xъаз* «гусь», которое предлагается считать тюркским словом, усвоенным во многие кавказские языки [2, II-272], наряду с *гогуыз* ‘индейка’ и *бабыз* ‘утка’. Но, в отличие от последней лексемы, слово со значением ‘гусь’ имеет фонетическое сходство с эквивалентными названиями и за пределами кавказских языков. Непротиворечиво, на наш взгляд, рассмотрение осетинского *xъаз* как рефлекса общеиндоевропейского этимона, реконструируемого как **ghans-* и представленного практически во всех и.е. языках в качестве названия этой одной из древнейших одомашненных птиц: санскритское *hamsah/hansi*, греческое *khen*; польское *gęś*; литовское *žasis* и протогерманское **gans-* как непосредственный источник для всей германской группы языков, в языке фарси *ghâz*. Следует обратить внимание и на то, что в словарной статье есть ссылка на работу Немета о том, что «уже в аланском отмечено *cas*» [2, II-272].

Обращают на себя внимание осетинские слова бесспорно иранского происхождения: *xъарм*, *xъарæг*, *xъарын* [2, II-265-268]. Данные примеры доказывают, что инициальный согласный *xъ-* может быть различной этиологии, и иранской в том числе. В таком случае, возможно углубить на шаг ретроспекцию осетинского *qajla/xъайла* и его когнатов *qalia*, *kalya*, *калья*, *qaila* и возводить их к **hwar-* (**xwar-*); важным свидетельством векто-

ра и времени их распространения может являться качество согласного в исходе корня *-l-*.

Приведенные соображения о допустимости иранского происхождения осетинского *qajla/xъайла* дают основания для альтернативной этимологии самой лексемы, что позволяет рассматривать его в деривационном гнезде индоевропейского протокорня «яйцо». Принципиальным для его словообразовательной модели, как и для русского слова «яичница», обозначающего основной или практически единственный ингредиент, может быть то, что это блюдо из яиц. Следовательно, в его составе правомерно выделять компонент соответствующей семантики. Осетинское *айк*, как и подавляющее большинство индоевропейских лексем с таким значением, восходят к одному протокорню. Слова со значением «яйцо» – общий индоевропейский фонд, и в соответствии с этим персидское и осетинское слова – когнаты.

Этимологическое родство этих слов можно прослеживать и со словом *хæлцион* ‘яйцо без скорлупы, мошонка’. *Xælc(c)on/xælcsojnæ* этимологизируется следующим образом: «*scrotum* – ~ Быть может, следует возводить к **karfryana-* и сблизать с лат. *cortex* ‘кора’, ‘скорлупа’, ‘кожица’, *scortum* ‘шкура’, ‘кожа’, *scrotam* ‘мошонка’, с таким же развитием значения, как в латинском» [2, IV-168]. Чёнг возражает против данной этимологии, считая, что она не подтверждается на иранской почве, а с латинской основана на внешнем сходстве значения и формы [13, 349]. На наш взгляд, и фонетическое сходство формы предлагаемых к рассмотрению когнатов представляется недостаточно высоким. Рассуждения Абаева, приводившиеся выше по поводу метонимического переноса с внешнего, оболочки на содержимое, могут быть рассмотрены и применительно к данному случаю. Однако не исключено, что они

могут быть нерелевантными в данном контексте, если архисемой протокорня, к которому восходит *xælc(c)on*, является «яйцо», а не «скорлупа», и при подобном допущении следует сопоставлять *xælc(c)-on/xælcsojnæ* с персидским *khayak*.

Персидский корень *خیا khaya* ‘яйцо’ может иметь и другие когнаты в осетинском языке, и в этой связи интересно слово, заимствованное во многие европейские языки через итальянское *caviale*. Слово «икра» во многих европейских языках иранского происхождения, т.к. восходит к персидскому *khaviyark* из *khaya* ‘яйцо’, далее из среднеперсидского *khayak*.

В иронском варианте осетинского языка для обозначения «икра» фиксируется композит *еугæф/јæwgæф*. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» слово рассматривается как инверсированное сложное слово [2, I-564] вместо развернутого *kæfy jæw* ‘рыбье просо’, состоящее из элементов *jæw* ‘просо’ и *kæf* ‘рыба’ – букв. ‘рыбье просо’. Данный пример приводится в нескольких словарных статьях как иллюстрация явления *tatpuruṣa* при обосновании тезиса о регулярности инверсии при словосложении, когда «определяющее имя – по смыслу в родительном падеже – позади определяемого слова» [2, IV-162]. Осетинское *kæf* имеет значение «рыба» общее для восточноиранской группы языков, которое, на наш взгляд, можно сопоставлять со словом «кефаль» – «морская промысловая рыба из группы колючеперых». Согласно этимологии, данный корень, как и видовое название рыб, является развитием известного греческого корня *kéfalos* от древнегреческого *kephalé* ‘голова’. Основанием для такой ретроспекции является якобы большеголовость данного вида рыб, однако не исключено, что это может быть народно-этимологической интерпретацией немотивированного аллотонного корня. Предлагается расширить круг поисков этимона слова «кефаль» и

рассматривать альтернативные этимологии, в том числе с привлечением иранского материала.

Сопоставлением персидского и осетинского слов выделяется элемент *gæf/kæf*, что может быть результатом совпадения звуковой формы разнокорневых слов. Но возможно и допущение о неслучайности созвучия элементов сложных слов с одинаковым значением, их отличает порядок следования в приведенных композитах. Можно рассматривать постпозитивное иронское *gæf* (от *kæf*) и препозитивное персидское *khav-* в качестве когнатов. Во-первых, можно полагать, что они содержат корень **kæf-* 'рыба' в соответствии с этимологией осетинского слова; во-вторых, данные элементы можно возводить к корню **khav-* 'яйцо'. С семантической точки зрения, как и с фонетической, ни одна из версий не выглядит предпочтительной для обозначения «яиц рыб в виде мелких зерен, которые также употребляются в пищу». Однако если это икра в более широком значении, то следует учитывать, что икру имеют и мечут не только рыбы, а лягушки и другие земноводные. Сопоставление с другими иранскими языками дает следующий материал. Таджикское *тухми моҳӣ* 'рыбная икра' состоит из других иранских корней по сравнению с осетинским и персидским словами. Слово *тухм* многозначное и имеет следующие значения: 1. семя, зерно, 2. яйцо. И если можно сомневаться, какая из сем реализуется при образовании композита со значением «икра» в таджикском – «зерно» или «яйцо», то, на-

пример, в афганском помочь определить с выбором может то, что в словарной статье приводятся два варианта: «рыбья икра» *дэ м̄һийно тухм (hagēu)*, последний корень *hagēu* является производным рассматривавшихся уже корней со значением «яйцо» [14, 270].

В ряде случаев лексемы могли быть сохранены обоими языками, но претерпели семантические и фонетические изменения, не позволяющие их опознать, они могли окаменеть в сложных словах (например, корень **dyu* «демон», не встречающийся в свободном словоупотреблении, а только в составе дигорского *äv-deu* и иронского *äv-diu* «злой дух» [15, 166]). (Интерес представляет фонетическое сходство данных форм с личным именем Авдей, к уже существующим этимологиям которого на основе семитских корней и греческого правомерно приобщить вопрос о его иранской этимологии).

Возможна и утрата одним или обоими языками общиранских корней, они могут восстанавливаться только по родственным словам в других иранских языках.

Научное сотрудничество между Ираном и Осетией представляется очень значимым для языкознания. Осетиноведение получает углубленное представление о своем лексическом фонде, иранское языкознание получает инструмент для уточнения данных об истории персидского языка, дополнительный импульс для сопоставительных исследований.

1. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 5 тт. М.-Л., 1958-1989. Т. I-IV.
3. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
4. Абаев В. И. Сложные слова – хранители древней лексики // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 75-85.
5. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
6. Стеблин-Каменский И. М. Названия пахотного орудия в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник. 1981. М., 1985.
7. Стеблин-Каменский И. М. Термины орошения в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник. 1982. М., 1987.
8. Трубочёв О. Н. Маргиналии к новому «Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка» М. Майрхофера // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 81-91.
9. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1; 2003. Т. 2.
10. Turner R. A Comparative Dictionary of Indo-Aryan languages. London: Oxford University Press, 1962-1966.
11. Szemerényi O. Iranian studies I // KZ. 1959. Bd. 76. Hft. 1-2.
12. Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. М., 2001. Т. I (А-М).
13. Чёнг Дж. **Очерки** исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ, 2008.
14. Зудин П. Б. Русско-афганский словарь. М., 1955.
15. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

COMMON IRANIAN HERITAGE IN THE OSSETIAN LEXICAL FUND.

Keywords: linguistics, Iranian studies, semantics, generalization, semantic narrowing, cognates, etymology.

*The significance of the Ossetian language for linguistics is determined by the complexity of its historical fate. Its archaic character and early divergence from other Iranian languages arouses the interest of Iranian scholars, and convergent processes with other Indo-European languages attract the attention of Russian and European scientists. The Proto-Ossetian language can be considered as a transmitter of Iranian influence into the European area during the Great Migration of Peoples (in the IVth – VIIth centuries). Of all the tribes that shattered the order of the Roman Empire in late antiquity, the only Iranian-speaking were the Sarmatians and Alans, ancestors of the modern Ossetians. Common Iranian vocabulary has been analyzed by many researchers, but still there is a number of issues that need clarification, development, a number of etymologies can be subjected to revision. A number of words that have traditionally referred to the Caucasian stratum should be analyzed in greater detail. The work focuses on the degree of preservation of the Iranian lexical fund in the Ossetian language. Different scenarios of the processes of development of common Iranian vocabulary, which are illustrated with examples, are considered. The possibilities of advancing alternatives to already existing etymologies are illustrated by the example of reflexes of the common Iranian root *hwar- (*xwar-) 'eat'. Some lexemes could have been preserved in both languages, but*

due to semantic and phonetic changes they are no longer identifiable, they could have been fossilized in compound words, in phraseological units. In addition, common roots could be lost, and can be restored only via related words in other Iranian languages.

REFERENCES

1. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetic etudes]. Vladikavkaz, 1992.
2. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 5 tt.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 5 vols]. Moscow-Leningrad. 1958-1989, vols I-IV.
3. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, 1949, vol. I.
4. Abaev, V.I. *Slozhnye slova – khraniteli drevnei leksiki* [Difficult words – keepers of ancient vocabulary]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues on linguistics]. 1983, no. 4, pp. 75-85.
5. Benveniste, E. *Ocherki po osetinskomu yazyku* [Essays on the Ossetian language]. Moscow, 1965.
6. Steblin-Kamensky, I. M. *Nazvaniya pakhotnogo orudiya v pamirskikh yazykakh* [Names of arable tools in the Pamir languages]. *Iranskoe yazykoznanie. Ezhegodnik. 1981* [Iranian linguistics. Yearbook 1981]. Moscow, 1985.
7. Steblin-Kamensky, I. M. *Terminy orosheniya v pamirskikh yazykakh* [Terms of irrigation in the Pamir languages]. *Iranskoe yazykoznanie. Ezhegodnik. 1982* [Iranian linguistics. Yearbook 1982]. Moscow, 1987.
8. Trubachev, O. N. *Marginalii k novomu «Etimologicheskomu slovaryu drevneindoariiskogo yazyka» M. Mairkhofer* [Marginalia to the new «Etymological dictionary of the ancient Indo-Aryan language» by M. Mayrhofer]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues on linguistics]. 1994, no. 3, pp. 81-91.
9. Rastorgueva, B. C., Edelman, D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura, 2000, vol. I. 328 p.; 2003, vol. II. 502 p.
10. Turner, R. A *Comparative Dictionary of Indo-Aryan languages*. London, Oxford University Press, 1962-1966.
11. Szemerényi, O. *Iranian studies I*. KZ, 1959, bd. 76, hft. 1-2.
12. Tsabolov, R. L. *Etimologicheskii slovar' kurdsogo yazyka* [Etymologically dictionary of the Kurdish language]. Moscow, 2001, vol. I (A-M).
13. Cheung, J. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism]. Vladikavkaz, 2008.
14. Zudin, P.B. *Russko-afganskii slovar'* [Russian-Afghan Dictionary]. Moscow, GIINS, 1955.
15. Bailey, H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, 1979.